

неязыковом вузе, образно говоря, – «ни черту кочерга, ни богу свечка!»! Продолжать и дальше сокращать количество учебных часов вплоть до полного изъятия ИЯ из числа обязательных учебных предметов, радикально пересмотрев тем самым содержание пакета «социального заказа» и сделав владение ИЯ исключительно личным делом, – услугой, предоставляемой желающим пускай и в вузе, но «за дополнительную плату»? Или попытаться найти какой-то другой выход? И здесь мы снова хотели бы вернуться к нашей, высказанной уже в ряде других публикаций (см., например, [3]), идее построения курса ИЯ на иной организационной основе, предполагающей, в частности, отказ от господствующего ныне в обучении ИЯ в неязыковом вузе принципа уравниловки и «обязаловки» и действительной – на практике, а не на словах – реализации принципов индивидуализации и дифференциации обучения. На наш взгляд, обучение ИЯ в неязыковом вузе следовало бы разбить на два этапа. Одной из главных целей первого этапа – продолжительностью в один семестр максимум – должен стать своеобразный «стриминг»: разделение обучаемых на тех, кто по разным причинам «не может и/или не хочет» и тех, кто «может и/или хочет» овладеть ИЯ на уровне требований, оговоренных в рассматриваемом стандарте. Для первых, а таковых по нашим наблюдениям среди поступивших, например, на экономические специальности около 60-70%, изучение ИЯ завершалось бы на первом же семестре, скажем, зачетом, а для вторых – продолжалось бы и дальше, в том числе и за счет высвободившихся средств, в течение последующих четырех-пяти семестров со сдачей по окончании курса ИЯ централизованного сертификационного экзамена с выдачей соответствующего удостоверения. В результате, вместо повального незнания ИЯ выпускниками неязыковых вузов, чему мы являемся свидетелями сегодня, стены вузов ежегодно покидало бы пусть и небольшое, но добротное знающих ИЯ число выпускников.

К сожалению, заложенное в новых учебных программах для неязыковых вузов сокращение количества учебных часов, отводимых на обучение ИЯ, без каких-либо сопутствующих изменений в принципах и целях обучения, а также ограничение периода его изучения исключительно первым-вторым курсом, говорят лишь о том, что

соответствующие официальные органы смирились с массовым незнанием ИЯ выпускниками неязыковых вузов всех форм обучения и/или не видят в повышении последними уровня владения ИЯ какой-либо, в том числе и экономической, необходимости, в то время как, скажем, в одной из по-прежнему ведущих на сегодняшний день экономических держав мира, незнание выпускниками высших учебных заведений «ключевых» ИЯ рассматривается как реальная угроза экономической безопасности и процветанию нации.

Заключение. По нашему мнению, переход на обучение ИЯ по новым типовым программам, к сожалению, не только не решает ни одной из застарелых проблем неязыкового вуза, касающихся ИЯ, но и порождает новые, ставя под сомнение практическую ценность изучения ИЯ в неязыковом вузе и необходимость включения последнего в число учебных дисциплин, подлежащих обязательному изучению. И наоборот. Организация учебного процесса в неязыковом вузе на основе изложенных выше принципов, создание специализированных групп из числа наиболее подготовленных студентов для углубленного изучения ИЯ, как показывает наш уже имеющийся опыт работы в подобных группах, снимает неудовлетворенность со стороны студентов качеством иноязычной языковой подготовки, предлагаемой вузом, и в максимальной степени создает предпосылки для достижения программных целей обучения ИЯ в неязыковом вузе.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вербицкая М.В., Махмурян К.С. Методическое письмо «Об использовании результатов ЕГЭ 2006 года в преподавании иностранных языков в средней школе»// ИЯШ. –2007. - №3, – С.2-26.
2. Иностранный язык: типовая учеб. программа для высш.учеб.заведений/сост.: Л.В.Хведченя и др. – Мн.: РИВШ, 2008. – 32с.
3. Жданов А.А., Климович И.Е. Обучение иностранным языкам в неязыковом вузе в свете нового образовательного стандарта: взгляд с периферии. // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 17-18 мая 2007г. – Брест: БрГУ. – С.118-119.

Материал поступил в редакцию 03.11.08

ZHDANOV A.A., KLIMOVITCH I.E., POLISCHUK Ye.O. Problems in professionally-oriented foreign-language teaching of university students as viewed from a new curriculum standard

As is known, the majority of university graduates of economic departments have poor command of foreign languages, English in particular. This is inconsistent with the data resulting from the two time-spaced questionnaires carried out by the authors of the paper which clearly testify that economics undergraduates are, as a whole, eager to learn English, perceiving the command of the latter as a factor that might contribute to their professional carrier in future. Yet most undergraduates do not have much to gain from the recent decision by the Ministry of Education to cut the number of academic hours allocated for teaching foreign languages, which is likely to aggravate the problem unless some radical measures are taken. An idea of how to improve the efficiency of a university foreign language course by introducing some critical changes in the very philosophy of foreign language teaching has been proposed and briefly discussed.

УДК 821:161.1

Потолков Ю.В.

ОБРАЗ КОМСОМОЛЬЦА В РОМАНЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

Тема нашей статьи сегодня может показаться парадоксальной, поскольку в слове «комсомолец» не содержится указания на определенную личностную характеристику. Быть комсомольцем – значит принадлежать к организации Коммунистического союза молодежи имени В.И. Ленина и разделять политические лозунги этой организации. При этом можно быть индивидуально человеком самым разнообразным в смысле нравственности: «сталь» может быть употреблена как для борьбы за счастье, так и для утверждения горя.

Наше обращение именно к роману о Павке Корчагине объясняется харизматичностью этого произведения, его бытованию как ве-

дущего, определяющего произведения о комсомоле. Именно эта книга выступает сегодня в общественных спорах, литературных произведениях как обобщающее творение о комсомоле, как символ советского молодежного героя.

Но следует заметить, что споры постепенно затихают: произведение Н. Островского отдельно не изучается, личность воплощенного в ней героя современной молодежью не востребована, а если и упоминается, то только в ироническом плане. Вспоминается один эпизод. Преподаватель обратился к студентам одного из филологических факультетов с просьбой ответить на вопрос, откуда взяты такие строки:

Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской литературы Учреждения образования «Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина».

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

Студенты были достаточно подготовленными в литературе, сами пробовали перо. Поэтому приведенные выше слова из романа «Как закалялась сталь» восприняли в кругу своих современных эстетических познаний. Решили, что строки принадлежат кому-то из современных постмодернистов, поскольку здесь звучат мотивы общечеловеческие, политически не ангажированные, глубоко философичные. Тогда преподаватель напомнил слушателям фрагмент из произведения им известного романа постмодерниста Саши Соколова «Школа для дураков»: «... я никогда не брошу кричать в бочки и буду заполнять криком своим пустоту пустых помещений, откуда не заполнить их все, чтобы не было мучительно больно!».

Прочитанный фрагмент ещё более укрепил участников разговора в мысли, что речь идёт о произведении современном, причём, обращённом к мысли о необходимости для нынешнего интеллектуала заполнять «пустые помещения» душ, которые опустели под воздействием большевистской, ушедшей в прошлое, идеологии. Тогда прозвучал ещё один фрагмент из «Школы для дураков»: «... итак за пивом, за пивом, и ещё раз за пивом, чтобы не было мучительно больно». Участники дискуссии насторожились: уж больно эта фраза не ассоциировалась с духовным обликом постмодернистского интеллектуала. И тогда преподаватель объяснил студентам, что прочитанный фрагмент взят им из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и утвердил, что разговаривать об образе комсомольца в советской литературе сегодня нельзя однозначно и упрощённо.

Выяснилось: при всей своей социальной ангажированности, произведения советской литературы о молодёжи обязательно входят к спонтанному постулированию общечеловеческих истин. Приведенный выше фрагмент из «Как закалялась сталь» – тому подтверждение. Другое дело, какой конкретно-исторический смысл иметь в виду под понятиями «бесцельно прожитые годы», «подленькое мелочное прошлое» и т.д.

Здесь неминуемо возникает вопрос: какое из понятий окажется справедливым и верным? Ведь исторические эпохи приходят и исчезают, а правило «самое дорогое у человека – это жизнь» остаётся актуальным, оказывается тем явлением, которое в литературоведении именуется топосом, т.е. тем в художественном образе, что извечно, что остаётся неизменным от эпохи к эпохе, а значит, надсоциально, надисторично, субстанциально, первосущностно.

В таком понимании тема «образ комсомольца» начинает восприниматься как «образ героя, идущего на страдания во имя благородной общественной идеи». Павка Корчагин становится одним из ряда таких исторических и литературных персонажей, как Муций Сцевола, Жанна Д'Арк, Тарас Бульба, Протопоп Аввакум и т.д. Подобное восприятие свидетельствует об одном очень важном, с нашей точки зрения, общественно-психологическом процессе: стремлению людей начала XXI века возвратиться к романтическим идеалам, во многом, утерянным в условиях развивающейся сейчас морали рыночных отношений. Эти идеалы возносят такие ценности, как семейный уют, гармонию с природой, приоритет позитивного опыта предков. То есть повторяется ситуация библейской притчи о блудном сыне. Имеет смысл и роман «Как закалялась сталь» прочитать как самодостаточное развитие этой притчи. Предлагаем такое прочтение.

«... Ибо сын мой был мертв, и ожил, пропадал и нашёлся».

«Притча о блудном сыне» (Евангелие от Луки, глава 15)

Роман Николая Алексеевича Островского задает сегодня больше вопросов, чем содержит ответов. Правда, и ответы в нем такие, которых не могло быть в книгах, долгое время запретных для читателя. Дело в том, что авторы «возвращенной» литературы о гражданской войне и революции – А. Платонов, Б. Пильный, Е. Замятин, М. Зощенко, М. Булгаков, Б. Пастернак и др. как бы отстранялись от

изображаемого материала, представляли жизнь то сатирически, то иронически, то с глубокой тоской. Только Н. Островский – один со своими героями, он – трубадур их идей, рассказывает о тоталитарной системе с восторгом и верой. Поэтому роман «Как закалялась сталь», читаемый с высоты прошедших после его появления исторических событий, начинает открывать свои, может быть, не осознанные когда-то самим Н. Островским, грани.

Вопрос первый и главный: почему произведение, столь открыто обнажающее подлинный облик системы идейного гнета, не только не оказалось в числе гонимых, но вообще пропагандировалось как знамя литературы?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует присмотреться к тому представленному в романе греховному бытию, которое привело нас к сегодняшним страданиям.

Во-первых, обнаруживается, что во всей книге ни разу не сформулированы цели революции. Сказано: «рабочая власть». А что это такое? Чем она отличается от власти вообще? Борьба за власть своего класса». – Тот же вариант. Павел хочет посвятить всю жизнь и все силы «борьбе за освобождение человечества». Освобождения – от чего? Боец Середа говорит: «Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него всё это и получается». За какую идею? Иронически представленный в книге обыватель видит в революционерах людей, которым «всегда спокойно». Но – за что беспокойство-то? Какова цель? Особенно не разговаривая писатель, когда пишет о полемике комсомольцев с троцкистской оппозицией: Дубава и иже с ним декларативно объявлены клеветниками. Так вот когда Корчагин говорит: «Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», начинаешь сомневаться, действительно ли Павка прожил жизнь в соответствии именно с этим лозунгом.

И становится ясным, что эта «недоговоренность», эта видимость ответа на вопрос о целях и была на руку властям. Ведь Островский, как и все в его время, и не мог додумать до конца цели. Ведь цель – предоставить счастье каждой отдельной личности. А об этом планировалось думать только при полном коммунизме, т.е. никогда.

Во-вторых, революция из всех провороненных проблем гуманизма упустила самую главную – отношение к женщине. Рита Устинович возмущена неким Вячеславом Ольшинским, который видит в ней «прежде всего женщину, и уже только потом товарища по партии». Все женщины, не близкие Корчагину социально, оказываются как на подбор омерзительными особами: Нелли Лещинская, жена и теща Артема Корчагина. Наконец, Павка бросает слова неприятия и своей первой любви – Тоне Тумановой: «И скажу по совести, мне с тобой говорить не о чем».

Понятие любви у Корчагина и его друзей строго идеологизировано. Идея становится истинной соперницей любви. Даже больше: идея решает судьбу любви. Павка говорит Тоне: «А я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе и остальным близким». /.../ У тебя нашлась смелость полюбить рабочего, а полюбить идею не можешь». Ограбленная и избитая любовь не может защитить себя от насильников, которые с идеей на перевес идут на пошлые приключения. Комсомольский работник Развалихин появляется ночью у постели своей коллеги по работе Лиды (они оказались в совместной командировке): «Не валяй дурачки. Если ты человек сознательный, то сначала удовлетвори мои потребности, а потом спи, сколько тебе вздумается».

Н. Островский щедро представляет многие черты революции, которые сегодня воспринимаются как причина будущих бед: невнимание большевиков: к личности, к культуре, вульгарно-историческое восприятие истории (недаром Корчагин и его единомышленники подробно изучают труд «Русская история», созданный марксистским историком Михаилом Николаевичем Покровским: от вульгарного социализма этот ученый не освободился до конца дней своих). Все большевики, представленные в романе, не просто уверены в правоте своих идей, но безапелляционно считают себя в праве, «переделять людей», «втравливать» их в борьбу, «организовывать» чье-то счастье.

В романе рассказывается о кощунственном отношении к религии: попа прогнали, в его доме разместили райком комсомола, на дверях синагоги наклеили объявление о собрании трудящейся молодежи.

Особенно ярко (и гневно) представлена молодая номенклатура. Правда, и здесь Островский исторически ограничен, однако сатира в книге звучит ясно и открыто.

Таким образом, роман «Как закалялась сталь», прочтенный сегодня, звучит как едва ли не исчерпывающий документ эпохи. Его сила возрастает оттого, что писатель о многом ныне понимаемом как беда, пишет с пиететом. Романтизирует революционную суровость, ригоризм, непримиримость, классовую ненависть. Но! Но – в книге есть еще что-то. Очень важное что-то. То что-то, которое делает произведение подлинным явлением искусства. Островский написал свою версию библейской притчи о блудном сыне.

Не будем строить догадок, имел ли это писатель в виду. Объективно роман звучит именно так. Очевидно, что библейские сказания насквозь метафоричны. Сын взял у отца свою часть имения. То есть взял принадлежавший ему «надел» отцовского опыта, вековых традиций, законов милосердия, трудовой морали, спасительной любви. Взял – и «пошел в дальнюю сторону» – отдалился от заповедей веков. Начал жить распутно, то есть не путно, не по дороге, без направления. И «расточил имение своё» – растерял всё, накопленное мудростью поколений. Дальше библейская строчка звучит как сообщение о сегодняшних событиях: «Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он стал нуждаться».

Роман «Как закалялась сталь» начинается с рассказа о том, как Павка Корчагин насыпал махры попу в пасхальное тесто. Потом следуют многие главы о большевиках, о «распутной» жизни Корчагина: вульгарный социологизм, невнимание к личности и тому подобное. Герой и его романтические товарищи «перевертывают землю». Но оказывается, что Павка, хоть и блудный, запутавшийся, но – сын. Он глубоко порядочен, самоотвержен, благороден, готов к самопожертвованию не только во имя абстрактного человечества, но и конкретного человека. Вот его отношение к брату Артему: «Это была суровая любовь, без признаний, и Павка ясно сознавал, что нет такой жертвы, которую он не принес бы без колебания, если б она была нужна брату». Слово «брат» начинает восприниматься здесь не только в своем прямом значении. Он готов «накормить страждущих». Павка – настоящий рыцарь, удивительный Док-Кихот.

Но революция повела парня совершенно по иным, бездушным, беспутным путем и очевидно: в стране его души обязательно должен был начаться «голод», Корчагин обязательно должен был начать «нуждаться». Так и случилось: роман «Как закалялась сталь» стал произведением о превращении железного человека, «живого трактора» (вспомним «Мы» Евгения Замятина) в живого человека, то есть художественное повествование о возвращении блудного сына.

Революционные вихри занесли Павку на работу в ЧК. Об этом периоде сказано: «Разрушающе действовала на нервы чекистская работа». Потом – ещё: «Нервная обстановка работы в Чека сказывалась на неокрепшем здоровье Павла. Корчагин просится у Жухрая уйти на другой участок «в главные мастерские, по своей профессии, а то я чувствую, что у меня гайка здесь слаба». Что за такая «работа» в ЧК, для которой у неистового Павки «гайка слаба»? Стоит ли сегодня это объяснять?..

Через несколько буквально страниц после разговора о «чрезвычайке» Павел встречается с матерью: «А Павел, обнимая ее, смотрел на измученной тоской и ожиданием лицо матери с бороздками морщинок и ничего не говорил, ожидая, пока она успокоится». О, это – «ничего не говорил!»..

Нет идеи, которая была бы важнее жизни на земле. Суровый Павка понял, что ригоризм революции на деле оборачивается обыкновенным бездушием. Понял не со стороны, а на собственной судьбе. И – обиделся на революцию. Вернее, не Павка, а Николай Островский. Врач Анатолий Степанович по поводу страдающего Корчагина бурчит

сердито: «Я не понимаю, как это можно почти детей принимать в армию? Это возмутительно». Конечно, это говорит не писатель. Но дело писателя – помещать ли такие слова в книгу. Поместил ... В письме брату Павка замечает: «Береги здоровье, не хватай по десяти пудов». Это замечание стоит многого: береги здоровье сам; оказывается, у революции нет сил заботиться о здоровье каждого.

Постепенно герой Островского находит в себе силы замечать нравственные полутона. В глазах Риты Устинович «Он увидел большую теплоту и немного грусти». Понимать начинает (вослед за Ритой), что «не надо быть таким суровым к себе. /.../ В нашей жизни есть не только борьба, но и радость хорошего чувства». По поводу одного хорошего человека, «сгорающего» на работе, Корчагин резко спрашивает: «Почему же вы так его навьючили?». Осознает, что «Бережь людей, видно, сможем тогда, когда социализм построим».

Словом, «блудный сын возвращается к отцу», т.е. Корчагин принимает и общечеловеческие истины. Когда понимаешь это, приходит жестокая мысль: а не наказан ли Павка за ту самую «махру» (конечно же, в смысле революционного переворота) судьбой? Не расплачиваемся ли сегодня и мы за грех революции?

Итак, Павка «возвращается к отцу». Но – «встреча с отцом», т.е. полное прозрение не наступило: Островский был не в силах заглянуть за своё время. Однако весь ход романа показывает: Корчагин и его собратья становятся всё большими изгоями в среде жиреющей номенклатуры, да и вообще окружения. На заводе он и другие, молодые рабочие по собственной инициативе убрали цех и покрасили его. Краску нашли в выброшенных отработанных банках из-под краски. (Сколько нужно было в банках краски оставить, чтоб этими остатками цех и станки выкрасить! Начинаясь бесхозяйственностью). Инженеры искренне удивлены такому – бескорыстному рвению. На этой же странице сказано, что Корчагин переносит часть библиотечных книг в цех. «Библиотекари этому не мешали – им было безразлично». А. Цветаев – руководитель комсомольского коллектива – (освобожденный) душит «личную инициативу» ребят.

Всё это встречалось чаще и чаще, и уже не могло восприниматься как случайность. Блудному сыну не давали вернуться к отцу. Островский и его герой так до конца и не поняли, что они – блудные дети вечности. Им всё грезились борьба, схватка, бой.

Но время шло. Если бы Павке удалось пожить дольше, ему (особенно с его бескомпромиссным и честным характером) пришлось бы решать: либо расстреливать «пятьдесят восьмую статью», либо самому стать в её ряды. Кем бы стал Павка? По крайней мере, его поколению такую задачу пришлось решать.

Таким образом, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» – книга о том, как в среде «железных большевиков» зарождалось сопротивление системе. Конец 20-х – начало 30-х годов. Сталинская ночь только начиналась. Но, оказывается, полную власть она никогда не взяла так и не смогла: те кто эту ночь нес – те же Корчагины – оказались людьми. И с этим ничего не могли поделать ни вожди, ни аппарат, ни сами юные романтики большевизма. Путь блудного сына к отцу – это единственный и непреодолимый путь человечества. Потому что этот путь – путь труда любви и милосердия. На этом род человеческий держится. «Сталь» характера нужна. Только – «сталь» созидательная, а не разрушительная. Павка по сути созидателем начал становиться только к концу романа. И в этом – логика бытия.

Представленное прочтение романа Н. Островского не содержит, как нам кажется, черт субъективизма. Само обращение современной мысли к образу комсомольца в советской литературе свидетельствует, что этот образ начинает быть востребованным. Почему? Не потому ли, что и людям начала XXI века необходимо прожить жизнь так, «чтобы не жёл позор за подленькое мелочное прошлое»?

Материал поступил в редакцию 17.11.08

POTOLKOV U.V. Image of komsomolets in Nikolay Ostrovskogo's novel "As steel was tempered"

Original perusal by the author of present article of the well-known novel of N. Ostrovsky "As steel was tempered" began by a basis for reasonings on an image of the private soldier of komsomol in the Russian literature, as a symbol of the Soviet youth hero. In article the material of the novel is considered in view of those polemics which are conducted today on questions of the Soviet literature. One of possible modern perusals of the well-known cult product is submitted.